

УДК 001(470)“17”:001(44)“17”

А. В. Чудинов

Ж. РОММ И П. С. ПАЛЛАС: ИСТОРИЯ УЧЕНОЙ ДРУЖБЫ*

Автор статьи исследует одну из малоизвестных страниц биографии видного деятеля Французской революции XVIII в. Жильбера Ромма (1750–1795) во время его пребывания в России (1779–1786) как гувернера юного графа П. А. Строганова, а именно — отношения с известным российским ученым-естествоиспытателем Петром Симоном Палласом. Главным источником настоящей работы стала продолжающаяся франко-российская публикация материалов личного архива Ромма, в подготовке которой принимает участие и автор статьи. Анализ сохранившихся до наших дней писем Палласа Ромму показывает, что, несмотря на отсутствие к моменту приезда в Россию реального опыта естественнонаучных исследований, Ромм был принят российскими учеными в свою среду на равных фактически лишь за свою эрудицию и готовность вести научную работу. И хотя в дальнейшем предпринятые Роммом исследования сколько-нибудь заметного результата не дали, в его лице российская «республика наук» обрела ценного посредника в установлении активного обмена с французскими учеными информацией, геологическим и ботаническим материалом. Анализ отношений Ромма и Палласа позволяет продемонстрировать такую специфическую черту научного мира России того времени, как открытость, в чем он являл разительный контраст по сравнению с уже замкнувшейся тогда профессиональной корпорацией ученых Франции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ж. Ромм; П. С. Паллас; Просвещение; российско-французские научные связи XVIII в.

«Я все видел, всем занимался, все испытал» — эти слова Фигаро вполне можно применить и к Жильберу Ромму (1750–1795), которому за 45 лет его недолгой, но бурной жизни довелось выступать в самых разных ипостасях. Молодой провинциал из Оверни, 24 лет от роду, прибыл в Париж, дабы стать ученым и таким образом обеспечить себе стабильный материальный достаток и продвижение по социальной лестнице. В столице он на протяжении пяти лет изучал медицину, давал частные уроки математики, осваивал Королевское Искусство «вольных каменщиков» в Ложе Девяти сестер, куда входил и ряд видных ученых Франции, однако доступа в «республику наук» все равно не получил. Потерпев неудачу на этом поприще, Ромм принял предложение русского графа Александра Сергеевича Строганова стать гувернером его сына Павла и в этом качестве приехал в Петербург на исходе 1779 г. В России, помимо исполнения педагогических обязанностей, он собирал для французского правительства информацию о русской армии, выступая, таким образом, и в ипостаси шпиона. Следуя рекомендации Ж. Ж. Руссо, полагавшего, что лучшим средством обучения являются путешествия, Ромм в 1781–1786 гг. совершил со своим подопечным ряд продолжительных поездок по России, побывав в столь отдаленных друг от друга местах, как Екатеринбург и Киев, Соловки и Севастополь. В 1786 г.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-21-17001.

наставник и его ученик отбыли в Западную Европу. Полтора года они провели в Женеве, потом перебрались во Францию. С началом Революции Ромм очертил голову бросился в ее водоворот, из-за чего в 1790 г. лишился места гувернера. Год спустя он был избран депутатом Законодательного собрания, в 1792 г. — Конвента, где, помимо прочего, проголосовал за казнь короля и выступил одним из создателей революционного календаря. В 1795 г. Ромм за предпринятую им в ходе прериальского восстания попытку восстановить режим революционного правления был приговорен к смертной казни и, чтобы избежать гильотины, покончил жизнь самоубийством.

Столь богатая перипетиями биография неоднократно привлекала к себе внимание историков и литераторов, посвятивших ей не одну книгу [см. Vissac; Galante Garrone; Чудинов, 2010]. Вместе с тем, до сих пор далеко не все страницы жизни Ромма получили достаточное освещение. К числу наименее изученных принадлежит и тема его взаимоотношений с российскими учеными. Даже итальянский историк А. Галанте-Гарроне, автор фундаментальной биографии Ромма, посвятивший его научным связям целый раздел своей книги, смог использовать лишь малую толику соответствующих источников, дошедших до наших дней. Мне же в своей монографии о «необычном союзе» Ж. Ромма и П. А. Строганова [Чудинов, 2010] из-за недостатка места и вовсе пришлось отказаться от освещения данной темы, напрямую не связанной с историей взаимоотношений этих двух выдающихся людей.

Впрочем, относительно недавно у нас появилась возможность подробнее узнать об этой стороне деятельности Ромма, благодаря осуществляемому на протяжении последних двадцати лет российско-французскому проекту публикации его личного архива, в котором принимает участие и автор этих строк. Первые попытки общего обзора соответствующей проблематики, увы, по необходимости краткого, уже были предприняты моими французскими коллегами по данному проекту [Ehrard; Rol-Tanguy]. В настоящей статье я более детально рассмотрю один из ее аспектов — историю ученой дружбы Жильбера Ромма с выдающимся российским естествоиспытателем немецкого происхождения Петром Симоном Палласом (1741–1811).

В отличие от Ромма, не сумевшего при всех своих стараниях получить пропуск в «республику наук», Паллас триумфально вступил в нее еще в ранней юности [см. Маракуев; Сытин]. Уроженец Берлина, он учился в университетах Галле, Геттингена и, наконец, Лейдена, где в 19 лет блестяще защитил диссертацию по медицине. В Голландии же в 1766 г. увидели свет его первые труды по зоологии, принесшие ему международную известность. В 1767 г. молодой, но уже признанный ученый был избран в Петербургскую академию наук и приглашен на российскую службу.

В 1768 г. Паллас возглавил один из пяти отрядов экспедиции Академии наук, с которым в течение шести лет совершил грандиозное путешествие через Поволжье и Урал в Сибирь, добравшись, в конце концов, до Кяхты. Научный итог экспедиции оказался поистине феноменальным. Самоотверженными усилиями ее участников был собран уникальный материал по географии, геологии,

зоологии, ботанике, истории и этнографии восточных областей Российского государства. Результаты этих исследований нашли отражение в фундаментальном труде Палласа, первые два тома которого были написаны автором на немецком языке еще во время экспедиции и опубликованы в Петербурге до ее завершения [Pallas, 1771–1776]. Вскоре книга вышла на русском языке [Паллас], а некоторое время спустя — на французском и английском.

Имя Палласа прогремело на всю Европу. Показательно, что Ромму оно стало известно еще задолго до их личной встречи. 14 января 1775 г. Ромм сообщил своим овернским друзьям о печальной новости, очевидно, услышанной им в научных кругах Парижа, где он тогда активно вращался в поисках места: «Г-н Паллас, профессор философии, путешествовавший по Сибири, был по дороге захвачен татарским князем, который, полагая, что взял в плен какого-то посла, бросил его в темницу, где тот и скончался от огорчения. Татарин завладел его рукописями и требует за них у России 30 тыс. рублей» [Romme, 2006, p. 162]. Ромм ошибся: этот трагический случай произошел с другим российским путешественником немецкого происхождения — Самуилом Гутлибом Гмелином (1744–1774). Назначенный, как и Паллас, в 1768 г. руководителем одного из отрядов экспедиции Академии наук, Гмелин исследовал Прикаспийский регион. В 1774 г. он был захвачен в Дагестане даргинским (кайтацким) ханом с целью получения выкупа и умер в плену от дизентерии. Интересно, что посмертная публикация научных результатов его путешествий была позднее подготовлена к печати именно Палласом.

Мы не знаем, сообщил ли в дальнейшем Ромм своим овернским корреспондентам об этой ошибке, поскольку не все его письма дошли до наших дней. В тех же из них, что имеются в нашем распоряжении, имя Палласа больше не встречается до самого приезда Ромма в Россию. Однако в сохранившемся каталоге личной библиотеки Ромма упоминается небольшая книжечка Палласа о формировании гор, вышедшая на французском языке незадолго от отъезда Ромма в Россию [Pallas, 1779]. Этот экземпляр с экслибрисом Ромма ныне находится в городской библиотеке его родного Риома [см. Romme, 2009, p. 379]. Возможно, он был приобретен владельцем перед отправкой в Петербург. Впрочем, очень скоро Ромм получил возможность и лично познакомиться с автором этой книги.

Первое время после приезда в Петербург (декабрь 1779 г.) исполнение педагогических обязанностей занимало у Ромма относительно немного времени, поскольку, согласно системе Руссо, последователем которого он себя считал, учебные занятия с ребенком следует начинать только с двенадцати лет, а Павлу Строганову тогда исполнилось лишь семь. Работодатель же Ромма, граф А. С. Строганов, видел в нем не столько наемного работника, сколько друга и единомышленника (в Париже оба входили в администрацию масонской ложи Девяти сестер), и как такового ввел в свой круг общения с людьми искусства и науки. Уже через четыре месяца после их появления в Петербурге И.-А. Эйлер, секретарь Императорской Академии наук, сообщает в апреле 1780 г. своему дяде, И. Л. С. Формею, что на обеде у директора Академии С. Г. Домашнева

присутствовал граф Строганов «со своим интеллектуалом (*hommes de lettres*): он привез с собой из Парижа одного такого по имени Ромм» [Dulac, p. 257].

Вероятно, на каком-то из подобных светских мероприятий Ромм и познакомился с Палласом. Когда именно это произошло, нам не известно, но уже к маю 1780 г. между ними установилось достаточно доверительное общение, в ходе которого дискутировались отнюдь не только научные проблемы. Как свидетельствует отрывок из письма Ромма А. С. Строганову от 12 мая 1780 г., француз обсуждал с Палласом даже такую щекотливую тему, как способы противодействовать злоупотреблениям должностных лиц в сибирских владениях графа: «Г-н Паллас высказал мне вчера соображение, которое я должен Вам передать. Ваши люди в Сибири заинтересованы препятствовать любым действиям служащего (*officier*), которого Вы туда направяете. Если, что весьма похоже, они поступают дурно, то они станут препятствовать всем тем, кто достаточно честен, чтобы попытаться разоблачить козни людей, пользовавшихся до сих пор Вашим доверием. И Ваш служащий либо ничего не сможет сделать, если будет зависеть от них, либо станет поступать дурно, если по слабости примет их точку зрения. Не думаете ли Вы после всего этого, господин граф, что Вашему служащему надо предоставить карт-бланш, конечно, до определенной степени? Нужно иметь хорошие полномочия и хороших помощников, чтобы всё шло к лучшему в этом мире, который, конечно, был бы лучшим из миров, если бы основной его движущей силой была бы честность» [Romme, 2014, p. 115].

Вынужденный по необходимости участвовать в светской жизни, чтобы приобрести полезные знакомства среди петербургских ученых и знатных любителей наук, Ромм, однако, ею тяготился, предпочитая отдавать свое свободное время собственно наукам. К этому его располагали и опыт прежней деятельности в Париже, и личный интерес. Живя в Петербурге, Ромм внимательно следил за новейшими веяниями в научном мире Западной Европы по иностранным газетам и по соответствующей литературе, поступавшей в российскую столицу. Не удивительно, что научная тематика заняла главное место и в его корреспонденции с Палласом. Всего до наших дней дошло 33 письма Палласа на французском языке, адресованных Ромму. Оригиналы 15 из них хранятся в архиве Санкт-Петербургского института истории, остальные 18 — в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Все они были впервые полностью опубликованы в рамках вышеупомянутого российско-французского проекта. Писем самого Ромма Палласу, к сожалению не сохранилось.

Датировка посланий Палласа представляет определенную сложность, поскольку обычно он не указывал точных чисел. В этом, по-видимому, не было необходимости, т. к. корреспонденты, чаще всего одновременно находились в Петербурге и обменивались посланиями через нарочных, получая письма в тот же день, когда они были отправлены. Авторам публикации пришлось проделать кропотливую работу по определению хотя бы примерных дат появления этих писем, сопоставляя изложенное в них с содержанием остальной корреспонденции Ромма. В результате удалось установить, что подавляющее большинство сохранившихся донныне посланий Палласа Ромму относятся к двум периодам:

5 — к концу августа 1780 г. и 18 — к февралю-августу 1781 г., причем тексты каждого этих периодов несколько различаются по содержанию и тональности.

Письма августа 1780 г. отражают ранний, наиболее безмятежный этап в отношениях Палласа и Ромма. Их еще не связывают никакие формальные обязательства — ничего, кроме взаимной симпатии и общего интереса к наукам. Послания Палласа выдержаны в теплом, дружеском тоне и следуют одно за другим практически ежедневно. Очевидно, с такой же частотой к нему отправлялись и ответные послания Ромма. Чтобы дать общее представление о круге тем, которые обсуждались корреспондентами, приведу полностью первое из дошедших до нас писем Палласа. Оно датировано им (редчайший случай!) 7 августа, т. е. по григорианскому стилю — 18 августа. Год — 1780-й — легко устанавливается по содержанию:

Прошу Вас засвидетельствовать господину графу Строганову всю мою признательность за милость, которую он оказал, позаботившись обо мне. В первый же погожий денек я приду получить плоды этой милости, но только частично, поскольку опасаюсь брать на себя ответственность за благополучие семейки уистити¹, которой у меня, быть может, не будет так же хорошо, как у господина графа Чернышева.

Я только что получил известие с Камчатки о том, что английские суда («Резолюшн» и «Дискавери») вошли в августе в Авачинскую бухту после второй неудачной попытки пройти на север, и что капитан Клерк скончался за два или три дня до прибытия в порт. Его со всеми воинскими почестями предали земле севернее Авачинской бухты на возвышенности, где на его могиле воздвигли памятник, хоть и не из мрамора, но из дуба. Еще одна памятная надпись помещена в Авачинской церкви². Корабли после самого необходимого ремонта вышли в море 29 сентября, а об остальном Вы знаете из газет, уже сообщивших новости о них из Макао.

Я полагал, что это известие может Вас заинтересовать, а потому не извиняюсь за причиняемое им огорчение, и остаюсь со всем моим уважением, сударь, Вашим покорным и почтительным слугой. П. С. Паллас.

Отправляю Вам две новые работы Бергмана³, но той, что касается исследования влажности [Bergmann], у меня нет; пока что я достать ее не смог. Отложим это до следующего раза, когда я буду иметь честь Вас увидеть.

[Romme, 2014, p. 160]

Аналогичный спектр сюжетов обсуждается и в последующих августовских письмах Палласа. Рассмотрим их в том же порядке, что и в приведенном выше послании.

Коллекционирование редких животных, живых или чаще в виде чучел, было в то время не только модой среди аристократических любителей естествознания, но и настоящей потребностью для создания научной классификации биологических видов, находившейся тогда еще на своей начальной стадии. Поэтому данная тема и в дальнейшем не уходит из писем Палласа Ромму:

¹ Уистити — маленькие обезьяны из Южной Америки.

² Капитан Чарльз Клерк (1741–1779) возглавил после смерти Дж. Кука английскую экспедицию, направленную на поиски северного прохода из Тихого океана в Атлантический. Умер от туберкулеза 22 августа 1779 г. Таким образом, известие об этом шло с Камчатки в Петербург ровно год.

³ Торнберн Олаф Бергман (1735–1784) — шведский химик, профессор университета Упсалы.

Из маленького уистити не удалось набить чучело, поскольку его брюшко оказалось разложившимся до такой степени, что мех лезет клочьями, оставляя проплешины. Однако скоро для господина Ромма будет готова сибирская белка.

20 августа 1780 г. (?) [Romme, 2014, p. 162]

Не менее, а возможно и более популярным, чем коллекционирование животных, было в то время коллекционирование минералов. Происходило быстрое развитие наук о земле, и естествоиспытатели активно собирали образцы геологических пород, обмениваясь дубликатами. Меценаты кичились друг перед другом своими «горными кабинетами», которые по количеству и качеству представленных в них образцов минералов соперничали с геологическими коллекциями академий. Паллас и Ромм также с азартом участвовали в этой «охоте за камнями»:

Прилагаю образец глауберовой соли⁴ из астраханских пустынь; г-н Ромм может получить таковых еще два-три куска или даже больше. Взамен даритель просит уступить ему кусочек буры⁵ из Персии, которого он не сумел достать у князя Юсупова⁶.

20 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 163]

Видели ли Вы в Вене⁷ кабинет покойного г-на Дельюса⁸, переданный под залог в 10 тыс. флоринов частному лицу? Мне сообщили, что, если не найдется покупателя, то принято решение продать его на аукционе. Это был бы подходящий случай сделать приобретения. Число экспонатов превышает 3 тыс., среди них 150 образцов золота, отдельные из которых стоят 60 дукатов. Это, должно быть, одна из наилучших коллекций, собранных в шахтах Венгрии.

21 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 164]

Отправляю Вам глауберову соль, которую Вы хотели получить, и, если ее количество Вас не устроит, я могу доставить Вам ее еще.

23 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 167]

С минералогической тематикой было тесно связано и обсуждение технологий, применявшихся в горном деле и металлургии:

Свежие газеты сообщают, что король Испании хочет ввести у себя применение метода г-на Борна⁹ и что он заключил контракт с императором о приобретении ртути по цене, полагаю, 85 флоринов за квинтал¹⁰.

22 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 166]

⁴ Мирабилит — минерал, представляющий собою кристаллы глауберовой соли природного происхождения.

⁵ Бура — минерал из класса боратов.

⁶ Князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831) — известный меценат и коллекционер.

⁷ В 1779 г. Ромм приехал с семьей Строгановых из Парижа в Петербург через Вену.

⁸ Кристоф Таугоф Дельюс (1728–1779) — главный администратор горного дела в монархии Габсбургов. Его «горный кабинет» представлял собою одну из лучших коллекций минералов в Европе того времени.

⁹ Игнац Эдлер фон Борн (1742–1791) — австрийский ученый, специалист в минералогии и металлургии, изобретатель новых технологий получения металлов.

¹⁰ Квинтал — мера веса, равная во Франции и в Испании примерно 100 кг.

Вы найдете здесь описание метода, применяемого на литейных заводах Нерчинска для получения при помощи природной соды если и не настоящей буры, то вещества с нею сходного, которое используется в горном деле в качестве флюса¹¹. Один из моих друзей, управляющий сейчас этими шахтами до прибытия нового начальства, мне обещал прислать с зимним караваном образцы этой уже готовой соли и другие подробности подобного процесса. Что же касается природной соды, то ее много на складе Академии, и может быть господин директор разрешит выделить Вам долю.

<...> Некий князь (knais) или принц Кугушев, служащий на Нерчинских копях, использует вместо буры соль, приготовленную по методу, который приписывается китайцам, из натрона¹², в изобилии встречающегося на нескольких болотных солончаках Даурии. Он для очистки природного натрона растворяет его в обычной воде, а затем осуществляет кристаллизацию, и так три раза; затем повторяет ту же операцию дважды с горячей водой и один раз со свежим молоком, получая из 40 фунтов натрона от 5 до 6 фунтов соли, которую он может использовать в своих опытах вместо буры.

23 августа 1780 г. (?) [Romme, 2014, p. 167]

Еще одной из основных тем переписки Палласа и Ромма был обмен научной литературой и обсуждение прочитанного:

Профессор Паллас побывал у дверей г-на Ромма, чтобы попросить его вернуть книгу Доу¹³, которая принадлежит библиотеке Английской фактории¹⁴ и которую попросили срочно отдать обратно.

20 августа 1780 г. (?) [Romme, 2014, p. 163]

Прочтите, пожалуйста, у Скополи¹⁵ статью о сере, и судите сами о его алхимии. Мне, по меньшей мере, кажется, что его опыты заслуживают того, чтобы их повторить.

21 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 164]

Я действительно получил бы удовольствие, ответив на все Ваши вопросы, но для ответа на вопрос о табаке требуется слишком много времени, чтобы я немедленно им занялся. В «Трудах» нашего Экономического общества¹⁶ есть описание того, как это растение обычно выращивается в Малороссии. Я поищу этот том и Вам принесу. Если он Вас не удовлетворит, я постараюсь раздобыть еще информации, но, поскольку я не посещал в ходе своих путешествий южные области Империи, где эта культура наиболее популярна, сам я не слишком много о ней знаю.

¹¹ Флюсами в металлургии называются примеси, добавляемые при выплавке металлов.

¹² Натрон — природная сода.

¹³ Александр Доу (1730–1779) — переводчик книги М. Фриштака «История Индостана» [Frishtak]. Составленное Роммом краткое содержание этой книги сохранилось в его бумагах [Romme, 2009, p. 300].

¹⁴ Так в Петербурге называли сообщество британских купцов Русской компании.

¹⁵ Джовани Антонио Скополи (1723–1788) — профессор естественной истории в университете Павии, автор работ по ботанике, биологии и химии.

¹⁶ Императорское Вольное экономическое общество, основанное в 1765 г., занималось пропагандой новейших достижений агрономической науки через свое периодическое издание, которое в рассматриваемый период называлось «Продолжение Трудов Вольного экономического общества».

<...> Работы г-на Соссюра¹⁷ здесь не найти; я достал себе экземпляр через г-на Эйлера, который заказал его из Парижа по моей просьбе. Может быть, мадам Розет¹⁸, получавшая книги одновременно с г-ном Эйлером, тоже заказала ее, но я в этом сомневаюсь. Подобную книгу в этой стране будут читать немногие. В остальном же, Вы можете держать у себя мой экземпляр, сколько пожелаете. Но я попрошу Вас как-нибудь прислать мне исследование г-на Бергмана о базальте, которого у меня нет. И если после прочтения *Journal de Physique* Вы могли бы передать тот том, что содержит историю уистити г-на Несля¹⁹, то я был бы Вам премного обязан.

Я читаю сейчас новое издание в шести томах «Писем об истории земли и человека», написанных г-ном де Люком [Deluc], и нахожу там намного больше интересных вещей, чем в первом, из которого я видел здесь только два тома. Я получил это новое издание от одного англичанина, только что приехавшего в Петербург, господина Кэри (Cary)²⁰, которого Вы, быть может, знаете.

23 августа 1780 г. (?) [Romme, 2014, p. 167, 168]

Судя по письмам Палласа, Ромм принимал и самое непосредственное участие в научной жизни местного академического сообщества. В частности, при организации экспедиции 1781–1787 гг. в Сибирь французского минералога Ю. М. Л. Патрена (1742–1815) Ромм должен был подготовить для него некие заметки, о чем Паллас не преминул напомнить:

Я прошу Вас, сударь, прислать мне заметки для Патрена, которые Вы имели любезность обещать, а также еще одну — о барометрах. Если же Вы будете у себя около часа, то я сам приду забрать их вместе с ящиком минералогических инструментов.

22 августа 1780 г. (?) [Ibid., p. 166]

Вместе с тем, Ромм, имея широкие знакомства в научных кругах Парижа, приобретенные еще в пору тщетных поисков себе места в «республике ученых», взял на себя роль посредника в организации обмена между российскими и французскими учеными информацией, ботаническими и геологическими материалами. Именно о таком обмене образцами минералов идет речь в одном из писем Палласа:

Я немного занят работой для Академии, из-за чего прошу меня извинить за то, что не лично принес записку, которую Вы просили у меня для Парижа. Я был бы Вам бесконечно обязан, если бы благодаря Вам я сумел получить хотя бы небольшую часть указанных предметов за деньги или по обмену. В последнем случае я постарался бы подобрать за эту зиму хороший запас дубликатов.

21 (?) августа 1780 г. [Ibid., p. 164]

¹⁷ Орас Бенедикт де Соссюр (1740–1799) — швейцарский ученый-натуралист. В письме идет речь о только что вышедшем тогда первом томе его труда о путешествии в Альпы [Sausure].

¹⁸ Мари Клодин Розе (Rozet, ? — 1784) — вдова французского книготорговца, занявшаяся после переезда в Петербург доставкой и реализацией здесь литературы, в том числе научной, из Западной Европы.

¹⁹ Французское научное издание, основанное в 1771 г. и выходившее до 1778 г. под названием *Observations sur la physique, sur l'histoire naturelle et sur les arts*. Во втором его томе за 1778 г., действительно, есть заметка об уистити, но принадлежит она Сире (Siret). Вероятно, Палласа подвела память.

²⁰ В бумагах Ромма есть упоминание об англичанине Поле Кьери (Kieri), проезжавшем через Петербург, чтобы в 1781 г. совершить путешествие по Новороссии и Крыму [Romme, 2009, p. 53].

Принимая на себя миссию посредника в международных научных связях, Ромм стремился не только доказать свою значимость российским ученым, но и поднять собственные шансы на признание в столь вожделенном для него академическом мире Франции, куда по истечении контракта гувернера он планировал вернуться. О его стремлении повысить свой авторитет в глазах соотечественников любимыми, отчасти даже выходящими за рамки приличий, методами сообщает российский астроном шведского происхождения, член Санкт-Петербургской академии наук А. И. Лексель в письме И. А. Эйлеру из Парижа от 7 января 1781 г.: «Г. Ромм прислал что-то здешнему Медицинскому Обществу, назвав себя в этой работе членом или сотрудником Петербургской Академии. Я хотел бы получить по этому поводу разъяснение. Странно, что даже самые благоразумные представители этой нации проявляют безумное желание казаться не тем, что они есть на самом деле» [Ученая корреспонденция, с. 511].

Круг сюжетов, обсуждаемых в корреспонденции Палласа и Ромма за 1781 г., которая представлена наибольшим числом писем из имеющихся в нашем распоряжении, первоначально был практически тем же, что и годом ранее. Паллас продолжал поддерживать попытки Ромма вести какие-то свои самостоятельные исследования:

Не составит проблемы получить согласие г-на Георги на пользование лабораторией для осуществления задуманного. Если для этого потребуется разрешение Директора, я берусь его обеспечить. Вы найдете там уже подготовленный уголь.

конец февраля 1781 г. [Romme, 2014, p. 207]

Ваш слуга принес от Вас записку в мое отсутствие, и я не смог ответить немедленно. Что касается скальпелей и других анатомических инструментов, то Вас прекрасно может обслужить изготовитель хирургических инструментов Кершер, который живет неподалеку от Вас на улице Конюшенной. Однако я сомневаюсь, что здесь можно раздобыть хорошие шприцы для инъекций, если, по меньшей мере, не попросить токаря выточить их из меди в Вашем присутствии. В следующую пятницу я узнаю об этом подробнее у нашего анатома г-на Вольфа, и тогда Вы узнаете ответ.

24 апреля 1781 г. [Ibid., p. 225]

В свою очередь, француз убедил Палласа стать членом-корреспондентом некоего просветительского «Аполлонского общества» (*Société apollinienne*), только что основанного в Париже Антуаном Кур де Жебленом (1719–1784), бывшим собратом Ромма по масонской ложе Девяти сестер. Из Петербурга трудно было судить, насколько серьезны намерения и возможности людей, предпринявших это начинание. Ромм же, насколько мы можем судить по следующему фрагменту послания Палласа, посулил тому, что новоиспеченная ассоциация могла бы взять на себя перевод на французский язык его «Путешествия по различным провинциям Российской империи»:

Что касается общества, о котором Вы мне сообщили, то я был бы весьма польщен возможностью содействовать достижению его целей, но моя работоспособность столь ослаблена тем состоянием духа, которое часто на меня находит из-за пребывания

здесь²¹, что я боюсь оказаться плохим корреспондентом, каковым уже стал по отношению практически ко всем своим зарубежным друзьям. Однако если когда-либо будет задумано переводить мои «Путешествия», то я попросил бы Общество сообщить мне об этом за зиму до того. Там есть немало мест, заслуживающих исправления или расширения, что естественно для сочинения, которое создавалось в спешке по ходу самой экспедиции и которое лишь из-за нетерпения графа Владимира Орлова²², нашего тогдашнего директора, было напечатано по сырому черновику отчетов, каковые мы обязаны были присылать ежегодно. Вы знаете, что в науках нетерпение и спешка ни к чему хорошему не приводят, но именно в такое положение мы были поставлены нашим торопливым директором. Моему «Путешествию», таким образом, требуется существенная правка, которую никто, кроме меня, не сделает; а потому французское издание могло бы стать бесконечно более совершенным, чем здешний оригинал. И поскольку там есть описания мест, виденных не по одному разу, то я мог бы собрать воедино те подробности, что рассеяны сейчас по всей работе.

20 (?) февраля 1781 г. [Romme, 2014, p. 202–203]

Впрочем, надежды Палласа не оправдались. «Аполлонское общество» оказалось одним из тех многочисленных интеллектуальных кружков (*sociétés de pensée*), что плодились в век Просвещения, как грибы после дождя, а потом исчезали, не оставив после себя сколько-нибудь заметного следа [см.: Guénot].

Гораздо лучше Ромму удавалась добровольно взятая им на себя миссия по организации российско-французского научного обмена. В этот период Паллас при его посредничестве отправляет французским коллегам многочисленные образчики минералов и редких животных, семена экзотических растений, а от них получает посылки с материалами, которых не доставало в российских собраниях:

Я только что получил коллекцию семян из южной Франции с письмом от аббата Пуррэ, приходского священника из Нарбона²³. Он мне сообщил, что работает над книгой *Flora narbonensis*, которая не может не вызвать интереса. Я очень хотел бы сделать ему ответный подарок еще до начала сезона посева. Если у Вас будет какая-либо okazия для посылки во Францию и если бы Вы смогли через свои связи в посольстве отправить небольшой пакет семян этому ботанику, я был бы Вам бесконечно признателен. Будут ли Ваши друзья во Франции рады семенам из Сибири? Я только что получил хороший их запас, и был бы рад уделить Вам часть, если это могло бы оказаться Вам полезным.

<...> Ниже Вы найдете список животных, образцы которых могли бы быть отправлены в иностранные коллекции (*cabinets*).

20 (?) февраля 1781 г. [Romme, 2014, p. 202, 203]

²¹ Ср.: «Чередование ипохондрии и дней, когда я хоть немного расположен к работе, выполнить которую мне настоятельно необходимо, помешали мне прийти к Вам...» — 23 (?) августа 1780 г. [Romme, 2014, p. 167].

²² Граф Владимир Григорьевич Орлов (1743–1831) был директором Академии наук в 1766–1774 гг.

²³ Пьер Андре Пуррэ (1754–1818) — известный французский ботаник, создатель ботанического сада в Нарбоне. Во время Французской революции эмигрировал, из-за чего его труд *Flora narbonensis* остался неопубликованным.

Я очень хотел бы послать что-нибудь г-ну Сажу²⁴, но посылки, отправленные мною в Палатинат, Лондон и Швецию, настолько опустошили мои запасы, что, полагаю, я не смогу этого сделать до возвращения из нашего путешествия. Конечно, у меня есть для него хороший кусок красного свинца и природного железа. Однако их надо искать, для чего — распаковывать ящики, а это плохо сочетается с массой дел, которые мне надо уладить до нашего отъезда. Я сам напишу ему обо всем этом, но, если Вы будете писать раньше, я прошу Вас изложить мои соображения и заверить его в моем уважении и благодарности.

конец февраля 1781 г. [Romme, 2014, p. 207]

Я прошу Вас указать место, куда я мог бы доставить около сорока образцов минералов, отобранных мною для г-на Сажа, и пакет с растениями для Ваших друзей во Франции...

начало марта 1781 г. [Ibid., p. 212]

В этот период, как и ранее, продолжался также обмен между Палласом и Роммом книгами, реактивами и минералами. Однако постепенно доминирующей в их корреспонденции становилась тема предстоявшего им совместного путешествия на Урал, о котором впервые упомянуто в вышеприведенном февральском письме Палласа. Летом 1781 г. Ромм со своим воспитанником должен был сопровождать графа А. С. Строганова и его двоюродного брата барона А. Н. Строганова в поездке, имевшей целью открытие в Пермском крае нового наместничества [см.: Кузнецов, с. 69–70]. Не удивительно, что граф, значительную часть своей жизни проведший в Западной Европе и гораздо лучше знакомый с жизнью парижских салонов, нежели своих обширных уральских владений, позвал в путешествие и знаменитого ученого, досконально изучившего этот регион. Паллас согласился принять участие в поездке, рассчитывая в ходе нее провести новые исследования и собрать новый научный материал. Однако, в отличие от своей прежней экспедиции, где именно он был руководителем, на сей раз Паллас оказался в непривычной для себя роли ведомого: не он теперь определял, когда отправляться в путь. Между тем, лето уже наступило, а Строганов по каким-то своим соображениям все откладывал отъезд. Паллас забеспокоился и попытался через Ромма повлиять на него:

Вчера меня напугали известием, что г-н Строганов отправится в свои владения только в августе. Если это так, я должен Вас предупредить, что мы совершим совершенно бесполезную и до крайней степени неприятную поездку. Это будет абсолютно потерянное время, особенно для меня. Я очень хотел бы оказаться полезным, как в предстоящем сборе сведений, так и [в] создании коллекций для кабинета Его превосходительства. Однако судите сами, сможем ли мы достичь этих целей, выехав так поздно. Если Его превосходительство действительно настроен на то время, о котором мне сказали, то нельзя ли нам отправиться заранее, хоть бы и в текущем месяце, чтобы выполнить эту большую задачу. Мы могли бы тогда, немножко поспешив, добраться даже до серебряных рудников Колывани²⁵ и, так сказать, удвоить результаты наших

²⁴ Бальгазар Жорж Саж (1740–1824) — французский химик и минералог, знакомый Ромма по Парижу.

²⁵ Серебряные рудники в окрестностях Колывани на Алтае начали разрабатываться с 1744 г.

исследований. Какой смысл нам терять возможность использовать летние месяцы и лучшую пору осени. Если же мы отправимся в августе, то на пребывание в Сибири нам останется только самое плохое время года, и наиболее интересные рудники Пошодашир (Pochodaschir) и др. окажутся недоступны для нас из-за вызванного дождями разлива рек. Я прошу Вас сообщить обо всем этом Его светлости. Я приду, возможно, в понедельник за Вашим ответом и хочу, чтобы он не оказался для меня столь же печальным, как новость о задержке.

начало июля 1781 г.? [Romme, 2014, p. 240]

Его аргументы, увы, не возымели действия, отъезд по-прежнему откладывался. Паллас явно уже начал жалеть об опрометчиво данном им согласии участвовать в путешествии и попытался выйти из игры:

Хотя я полностью подготовился к путешествию в свите г-на графа и сам весьма заинтересован в этой возможности, все же я не могу не думать о том, что не только окажусь малополезным компаньоном и, потеряв больше трех месяцев для спокойной работы здесь, не смогу сделать всего того, что хотел бы; а также о том, что я, ощущая из-за расшатанного здоровья свое дряхлое состояние, должен опасаться отстать где-нибудь по дороге, либо, как минимум, превратиться в обузу, подобно бесполезной ноше. Если Вы беспристрастно взвесите все обстоятельства, то я уверен, Вы примите мою точку зрения в той мере, в какой это возможно сделать, не испытывая самому всех тех немощей и болезней, которые в моем случае являются весьма весомым фактором. Я слишком доверяю Вашей дружбе, чтобы усомниться в том, что подобные страдания не станут для Вас убедительным аргументом. Поэтому я не теряю надежды на то, что Вы станете моим адвокатом перед г-ном графом.

Если бы я мог, не навлекая на себя немилость Его превосходительства, уволиться из его свиты по состоянию здоровья, я, конечно, очень сожалел бы, лишившись удовольствия вас сопровождать; но убежден, что ваша научная экспедиция, имея письменные инструкции, которые я уже дал и мог бы еще дать, абсолютно ничего не потеряла бы, а такой отказ пошел бы на пользу моему здоровью и продвижению моих кабинетных работ, многие из которых пострадают от моего отсутствия.

5 июля 1781 г. [Ibid., p. 242]

Едва ли ссылка Палласа на слабое здоровье была всего лишь дипломатическим предлогом, чтобы не ехать. Известно, что оно, действительно, серьезно пострадало еще во время его тяжелейшего путешествия по Сибири 1768–1774 г.²⁶ Тем не менее, доводы Палласа не произвели впечатления на Ромма, и тот, судя по всему, в ответном письме попытался убедить ученого не отказываться

²⁶ «Итак, достопамятное путешествие это продолжалось с лишком шесть лет. Тягости и лишения, с ними связанные, пагубно отразились на здоровье Палласа, который (как он сам замечает в конце описания своего путешествия) вернулся с обессиленным организмом и с седеющими волосами на 33-м году жизни. Вследствие ужасных морозов, при которых Палласу случалось наблюдать замерзание ртути в термометре, он однажды отморозил себе в комнате пятки. Но, несмотря на все невзгоды температуры, невзирая на упорное воспаление глаз, часто повторявшиеся дизентерии и разные другие болезни, он неутомимо преследовал поставленную себе задачу, заключающуюся во всестороннем исследовании стран, им посещаемых» [Русский биографический словарь, с. 155].

от поездки. Это побудило Палласа два дня спустя более настойчиво изложить ему свои аргументы:

Разумеется, отнюдь не из каких-либо легковесных соображений или по капризу ипохондрии я осмелился говорить с Вами об изменении [моих планов], которое меня самого заставляет страдать, как никого другого. Не желая далее распространяться о своих болезнях (из которых об одной, беспокоящей меня больше других, говорить не слишком удобно), я не буду повторять то, что уже изложил в предыдущем письме. <...> Однако, поскольку я себя чувствую крепко привязанным к Его превосходительству оказанными мне благодеяниями и дружбой, я не хотел бы без его полного согласия слагать с себя взятые мною обязательства. Тем не менее, я был бы искренне признателен, если бы Его превосходительство оказал мне милость, избавив меня от них и найдя мне здесь применение в тех делах, которые я, на его взгляд, способен выполнить.

7 июля 1781 г. [Romme, 2014, p. 248]

Ничего не помогло. То ли Ромм не стал ходатайствовать за Палласа перед графом, то ли адвокат из него получился неважный, то ли Строганов не захотел отказаться от удовольствия путешествовать со знаменитым ученым, но в любом случае две недели спустя они все вместе покинули столицу и направились к Москве. Об этом этапе их поездки нам рассказывает путевой дневник Ромма [РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 3, д. 19]²⁷:

Мы выехали из Петербурга 11 июля [22 июля н. ст.] 1781 г. Компания доктора Палласа оказалась весьма кстати для того, чтобы мы, просвещаясь, не замечали тягот монотонной езды по мощенной бревнами дороге, проходящей через болотистую местность и окруженной мрачным лесом. Присутствие этого знаменитого путешественника заставляло нас быть столь сдержанными в своих замечаниях, что я, например, предпочитал вообще держать язык за зубами, опасаясь сказать какую-нибудь глупость. Рядом с ним я весь превратился в слух, мои глаза и руки настолько оцепенели, что я не позволял себе вести никакого путевого дневника от Петербурга до Москвы, ограничиваясь немногими разрозненными наблюдениями.

[Чудинов, 2010, с. 178]

Впрочем, едва ли такое же удовольствие испытывал Паллас, поскольку с прибытием в Москву он все же решил отказаться от продолжения путешествия. Причем, он не осмелился напрямую сообщить о своем намерении графу Строганову, а попытался сделать это через посредников. Однако решение Палласа не нашло понимания у Ромма и вылилось в ссору между ними:

Сообщив о своем намерении г-ну Домашневу и г-ну Миллеру²⁸, так же как и Вам, я полагал, что г-н граф будет предупрежден о нем если не одним путем, так другим. Я не нашел в себе сил поговорить с ним об этом лично и никогда не найду. Постоян-

²⁷ Полный русский перевод этого текста впервые опубликован в кн.: [Чудинов, 2010, с. 178–183].

²⁸ Герард Фридрих Миллер (1705–1783) — русский историк немецкого происхождения, член Петербургской академии наук с 1725 г.

ные головные боли, вызванные недосыпанием, помешали мне сделать это письменно. Сие же послание я отправляю Вам потому, что получил Вашу записку. Я вижу, что Вы слишком рассержены на меня, чтобы просить для меня прощения у графа. Но я рассчитываю на Вашу честность, надеясь, что Вы подтвердите всё то, о чем я говорил Вам в ходе поездки против моего дальнейшего участия в ней. Я сожалею и буду сожалеть о том, что отказываюсь от обязательства, которое хотя и является для меня немного вынужденным, но к которому я привязан по ряду мотивов. <...> Не знаю, зачем Вы мне вернули буссоль. Если из раздражения, то мне придется отправлять ее в Петербург вместе с другим инструментом, который будут пересылать отсюда. Не понимаю, зачем нужно мое присутствие для использования ее в Сибири.

22 июля ст. ст. [2 августа] 1781 г. [Romme, 2014, p. 258]

Последнее из посланий Палласа этого периода написано сухо и деловито, скорее это даже записка о «разделе» имущества:

Прошу Вас, Сударь, забрать обратно ящик с буссолью, а мне прислать мой сундучок, который стоит напротив Вашей кровати, покрытый кожей морской коровы. У него два замка, и он меньший из двух, расположенных один на другом. В[аш] п[окорнейший] сл[уга] Паллас.

начало августа 1781 г. [Ibid., p. 260]

Похоже, этот конфликт существенно повлиял на дальнейшие отношения Палласа и Ромма. Даже полтора года спустя, весной 1783 г., друг Ромма П. И. Жам (подробнее о нем см.: [Чудинов, 2003]), перечисляя его утраты последних лет, упоминал и «отдалившегося от него Палласа (Pallas ecarté)» [Romme, 2014, p. 523].

Однако полного разрыва не произошло. Насколько можно судить по сохранившимся письмам Палласа, отношения между ним и Роммом продолжались, как минимум, до 1788 г. и по-прежнему могли быть квалифицированы как «ученая дружба». Вот только если раньше ударение в этом словосочетании следовало ставить на втором слове, то теперь оно, похоже, сместилось на первое. И дело не только в том, что их корреспонденция стала менее интенсивной: за последующие пять лет пребывания Ромма в России нам известно всего лишь два послания ему от Палласа. В конце концов, нельзя исключать, что какая-то часть переписки до нас просто не дошла. На мой взгляд, заметно изменилась тональность писем: из них ушла былая теплота дружеского общения, и осталось лишь краткое, почти «телеграфное», изложение научной информации:

Паллас передает привет г-ну Ромму и шлет ему с этим письмом топографический план, статистическая часть которого с 22-й по 27-ю страницы составлена г-ном Гюльденштедтом²⁹. Классификация наций с 12-й по 21-ю страницы принадлежит г-ну Штриттеру³⁰, остальное — ему самому [Палласу].

²⁹ Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1781) — российский естествоиспытатель и путешественник немецкого происхождения, член Петербургской академии наук. В 1768–1774 гг. во главе одного из отрядов экспедиции Академии исследовал Северный Кавказ и Грузию. Умер во время эпидемии гриппа. Материалы его путешествия были подготовлены к печати Палласом и опубликованы посмертно.

³⁰ Иван Михайлович Штриттер (1740–1801) — российский историк и архивист, член Петербургской академии наук.

Он [Паллас] недоволен тем, что еще не получил оттисков из крымской типографии. Их немедленно отправят в типографию Вейтбрехта³¹; и если он [Паллас] их получит, то еще до полудня они будут и у г-на Ромма.

Если китайская палатка, о которой он [Паллас] говорил г-ну Ромму, того устроит, он ее ему охотно уступит по сходной цене; если же нет, то он просит вернуть ее обратно.

Нынешняя суббота

[Р. С.] Последние газеты подтверждают новость о крушении г-на Пилатра де Розье³². Он и его спутник г-н Ромэн разбились на континенте из-за разрыва воздушного шара. Г-на Ромэна нашли еще подававшим признаки жизни

июль 1785 г. (?) [Romme, 2014, p. 813]

Как видим, спектр обсуждаемых научных тем по-прежнему широк, разве что ни слова о личном.

В свою очередь, и Ромм, как бы ни складывались их отношения с Палласом, продолжал внимательно следить за его научными достижениями. Даже находясь во Франции, в самый разгар революционных событий, Ромм в письме графу Строганову просил его прислать недавно вышедший в Петербурге второй том фундаментального труда Палласа *Flora rossica*, а получив таковой, высказывал недовольство, что ему выслали только один экземпляр, тогда как он хотел бы два [Письма, с. 90, 96–97].

* * *

Изучение истории ученой дружбы Ж. Ромма и П. С. Палласа позволяет нам не только пролить дополнительный свет на некоторые, до сих пор не слишком хорошо известные страницы жизни и деятельности двух выдающихся людей, но и получить определенное представление об особенностях функционирования «республики наук» в России. На первый взгляд могло показаться, что там всё было почти так же, как во Франции: государственное финансирование исследований; достаточно плотная научная среда; интенсивный международный обмен специализированной информацией. Однако именно в России Ромм получил то, чего не смог добиться у себя на родине. Там ему так и не удалось проникнуть в круг избранных, о чем он не без раздражения сообщал овернским друзьям 14 октября 1774 г.:

Меня начинает задевать отношение ко мне всех этих ученых. Мне самому неприятны попытки заинтересовать персон первого ранга судьбой мелкого провинциала, который, не имея денег в кошельке, хочет заставить Даламберов, Боссию, Геттаров³³ хлопотать о том, чтобы ему эти деньги добыть. Судя по всему, в моем поведении есть нечто шокирующее. Меня обескураживает не то, что я не могу встретиться с этими господами, а то, что мне приходится делать это слишком часто.

[Romme, 2006, p. 132]

³¹ Иоган Якоб Вейтбрехт — один из крупнейших немецких книготорговцев Петербурга.

³² Жан Франсуа Пилатр де Розье (1756–1785) — французский воздухоплаватель. 15 июня 1785 г. он и физик М. Ромэн попытались пересечь Ла-Манш на аэростате, но погибли из-за взрыва воздушного шара.

³³ Ж. Л. Даламбер (1717–1783) — философ-энциклопедист и математик; Ш. Боссию (1730–1814) — математик; Ж. Э. Геттар (1715–1786) — врач и геолог.

Напротив, в России Ромм органично вписался в научную среду, где, судя по его отношениям с Палласом и другими видными учеными [см.: Ehrhard; Rol-Tanguy], был принят как равный, несмотря на отсутствие заслуг в практических исследованиях. Разумеется, определенную роль сыграла его близость к графу Строганову, который ввел француза в круг петербургских интеллектуалов. Определенную, но не решающую! В Париже у Ромма также имелись вельможные покровители в лице графа А. А. Головкина и графини М. А. д'Арвиль, да и возможностей встречаться с известными учеными у него там тоже имелось в избытке. Недоставало лишь одного — уважительного отношения с их стороны и готовности сотрудничать. То и другое он нашел только в России.

Причина подобного контраста, на мой взгляд, состояла в том, что французское научное сообщество уже оформилось к тому времени как достаточно закрытая профессиональная корпорация, вход в которую для неофитов был крайне затруднен — требовалось уже иметь реальные научные заслуги [см.: Чудинов, 2010, гл. 2]. В России же академическая среда еще только переживала период становления и роста, а потому была открыта для желающих заниматься исследованиями, особенно для тех, кто получил образование в Западной Европе. Характерно, что и Паллас, и ранее упомянутые здесь члены Петербургской академии наук Гмелин, Гильденштедт, Миллер, и не только они, приехали в Россию совсем молодыми людьми и именно здесь сделали свои научные карьеры. Поэтому совсем не удивительно, что и в Ромме с его интересом к естественным и точным наукам, с его энциклопедической любознательностью, о которой мы можем судить по переписке с Палласом, российские ученые видели своего потенциального коллегу. Впрочем, сам он также не прочь был видеть себя членом Петербургской академии наук и, выдавая желаемое за действительное, представился таковым в переписке с французскими корреспондентами.

Правда, подобных авансов Ромм не оправдал. Ни проводившиеся им разнообразные опыты, ни наблюдения, сделанные во время его путешествий по России, не нашли отражения в каких-либо публикациях, вносящих вклад в приращение научного знания, а текст, отправленный им в Медицинское общество Франции, очевидно, не произвел там впечатления. Исследователь из Ромма не получился. Однако это отнюдь не означает, что его пребывание в России не оставило вообще никакого следа в научной жизни страны. Письма Палласа свидетельствуют, что Ромму удалось стать ценным посредником в налаживании связей между российскими учеными и их французскими коллегами. Именно в таком качестве он, действительно, внес вклад в развитие российского естествознания и всё же реализовал, пусть и ненадолго — лишь на время пребывания в России, — свою мечту стать полноправным гражданином «республики наук».

Кузнецов С. О. Не хуже Томона. Государственная, меценатская, собирательская деятельность рода Строгановых в 1771–1817 гг. и формирование имперского облика Санкт-Петербурга. СПб., 2006. [Kuznecov S. O. Ne huzhe Tomona. Gosudarstvennaja, mecenatskaja, sobiratel'skaja dejatel'nost' roda Stroganovyh v 1771–1817 gg. i formirovanie imperskogo oblika Sankt-Peterburga. SPb., 2006.]

- Маракуев В. Н.* Пётр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877. [Marakuev V. N. Pjotr Simon Pallas, ego zhizn', uchenye trudy i puteshestvija. M., 1877.]
- Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства : в 6 т. СПб., 1773–1788. [Pallas P. S. Puteshestvija po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva : v 6 t. SPb., 1773–1788.]
- Письма П. А. Строганова и Ж. Ромма из Франции 1788–1790 гг. / пер. с фр. и коммент. А. В. Чудинова // Французский ежегодник. 2010. М., 2010. С. 46–98. [Pis'ma P. A. Stroganov i Zh. Romma iz Francii 1788–1790 gg. / per. s fr. i komment. A. V. Chudinova // Francuzskij ezhegodnik. 2010. M., 2010. S. 46–98.]
- РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 3. Д. 19. [RGADA. F. 1278 Stroganovy. Op. 3. D. 19.]
- Русский биографический словарь. Т. : Павел, преподобный — Петр (Илейка). СПб., 1902. [Russkij biograficheski slovar'. T. : Pavel, prepodobnyj — Petr (Pejka). SPb., 1902.]
- Сытин А. К.* Пётр Симон Паллас — ботаник. 2-е изд. М., 2014. [Sytin A. K. Pjotr Simon Pallas — botanik. 2-e izd. M., 2014.]
- Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1766–1782) / сост. И. И. Любименко ; под общ. ред. акад. Д. С. Рождественского ; ред. Г. А. Князев, Л. Б. Модзалевский. М. ; Л., 1937. [Uchenaja kogrespondencija Akademii nauk XVIII veka (1766–1782) / sost. I. I. Ljubimenko ; pod obshh. red. akad. D. S. Rozhdestvenskogo ; red. G. A. Knjazev, L. B. Modzalevskij. M. ; L., 1937.]
- Чудинов А. В.* Обычные и необыкновенные приключения французского губернатора в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 441–474. [Chudinov A. V. Obychnye i neobyknovennye prikljuchenija francuzskogo gubernera v Rossii XVIII v. // Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii. Vyp. 5. M., 2003. S. 441–474.]
- Чудинов А. В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010. [Chudinov A. V. Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov: istorija neobychnogo sojuza. M., 2010.]
- Bergmann T. O.* De minerarum docimasia humida. Uppsala, 1780.
- Deluc J. A.* Lettres physiques et morales sur les montagnes et sur l'histoire de la terre et de l'homme. 6 vols. P., 1779.
- Dulac G.* La vie académique à Saint-Pétersbourg vers 1770 d'après la correspondance entre J.-A. Euler et Formey // Académie et sociétés savantes en Europe, 1650–1800. P., 2000. P. 221–263.
- Ehrard J.* Introduction // Romme G. Notes scientifiques et anecdotes (1782–1788). Clermont-Ferrand, 2009. P. 13–31.
- Frishtak M.* History of Hindostan. L., 1770.
- Galante Garrone A.* Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire (1750–1795). P., 1971.
- Guénot H.* Musées et lycées parisiens, 1780–1830 // Dix-huitième Siècle. 1986. № 18. P. 249–267.
- Pallas P. S.* Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. 3 t. St. Petersburg, 1771–1776.
- Pallas P. S.* Observations sur la formation des montagnes et les changemens arrivés au globe, pour servir à l'Histoire naturelle de M. le cte de Buffon. St-Pétersbourg ; P., 1779.
- Rol-Tanguy H.* Gilbert Romme et communauté scientifique pétérbourgeoise (1779–1786) // Romme G. Notes scientifiques et anecdotes (1782–1788). Clermont-Ferrand, 2009. P. 33–38.
- Romme G.* Correspondance / éd. établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Vol. 1. Clermont-Ferrand, 2006. T. 1–2. Vol. 2. Clermont-Ferrand, 2014. T. 1–2.
- Romme G.* Notes scientifiques et anecdotes (1782–1788). Clermont-Ferrand, 2009.
- Saussure H. B.* Voyages dans les Alpes. 2 vols. Neufchatel, 1779–1796.
- Vissac M. de.* Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

Статья поступила в редакцию 23.10.2014 г.